

Научная статья

УДК 811.511.142:81'367

DOI 10.17223/18137083/86/15

**Коммуникативная вариативность
типовой синтаксической структуры движения
в сургутском диалекте хантыйского языка**

Илья Михайлович Плотников

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

iliaplotnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6416-689X>

Аннотация

Рассматривается коммуникативная парадигма типовой синтаксической структуры движения в сургутском диалекте хантыйского языка на материале 144 реализаций в текстах разных жанров. С учетом порядка составляющих и интонации выделены три основных коммуникативных варианта этой структуры, один из которых употребляется в контекстах, описывающих деятельность заданного субъекта, а два других употребляются конкурентно при описании ситуации как события, развивающегося относительно заданного локализатора: если локализатор выражается именной группой, более частотным является вариант с локализатором в начале высказывания; если локализатор выражается провербами, наречиями или местоимениями, он размещается в позиции перед глаголом.

Ключевые слова

хантыйский язык, сургутский диалект, типовая синтаксическая структура движения, коммуникативная парадигма, порядок составляющих

Для цитирования

Плотников И. М. Коммуникативная вариативность типовой синтаксической структуры движения в сургутском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 207–222. DOI 10.17223/18137083/86/15

© Плотников И. М., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 207–222
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 207–222

Communicative variation of the typical syntactic structure of motion in the Surgut dialect of the Khanty language

Ilya M. Plotnikov

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
iliaplotnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6416-689X>

Abstract

The standard syntactic structure of motion comprises three elements referred to in this paper as subject, localizer, and predicate. The proto-typical meaning of this structure is represented by simple sentences of motion. This paper examines 144 realizations of this structure selected from a collection of texts of different genres and idioms to examine its communicative variation in the Surgut dialect of the Khanty language. Three main variations of the structure have been identified, with allowance for both constituent order and intonation structure. The first variant is found in contexts describing the activity of a specified subject, with the subject being the theme of the utterance and the localizer and predicate representing its rheme. The other two are used when a particular situation is presented as an event unfolding against a specified localizer, with the communicative roles of the subject and the localizer reversed. While both of the latter were found with various types of localizers, the data suggest a substantial preference for using one of them with typical noun phrases and the other with preverbs, adverbs, and adverbial pronouns. Several cases of using a typical syntactic structure of motion at the beginning of texts have been identified, illustrating a tendency to present events from the subject's perspective when there is no contextual stimulus to warrant adopting the opposite perspective. The findings of the study reveal the similarities in communicative variation patterns between typical structures of motion and existence.

Keywords

Khanty language, typical syntactic structure of motion, communicative paradigm, constituent order

For citation

Plotnikov I. M. Communicative variation of the typical syntactic structure of motion in the Surgut dialect of the Khanty language. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 207–222. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/15

Введение

Типовая синтаксическая структура (ТСС) представляет собой устойчивое синтаксическое построение с прототипическим значением [Кошкарёва, 2015, с. 15]. Мы рассматриваем ТСС как единицу языка, устанавливающую отношения между определенным набором формальных и семантических компонентов. Ядро ТСС составляет совокупность ее прототипических реализаций, отражающих стандартизированные способы выражения устойчивых комбинаций пропозитивных и припропозитивных смыслов.

В основе ТСС движения лежит элементарное простое предложение (ЭПП) движения, планом содержания которого является пропозиция движения. Каждый компонент ТСС движения соответствует одному из компонентов пропозиции движения, однако при неизосемической реализации ТСС движения может выполнять множество других семантических функций. Для обеспечения единообразия

анализа разных реализаций ТСС движения мы условно называем каждый компонент в соответствии с прототипической для него семантической ролью. Соответственно, ТСС движения включает три компонента: субъект (S), предикат (PR) и локализатор (LOC). Вследствие ограниченности терминологии мы используем эти термины как при описании компонентов ТСС и их реализаций, так и при анализе коммуникативного статуса и функций в тексте соответствующих им референтов.

Компонент LOC является обобщением группы потенциальных компонентов. Ситуация движения предполагает развернутую систему потенциальных локализаторов: исходную точку движения (директив-старт), конечную точку движения (директив-финиш), пространство, по которому происходит движение (трассу) или относительно которого происходит движение (ориентир) [Кошкарёва, 2018]. Несмотря на то, что ТСС движения отражает задаваемые языком способы выражения каждого из этих компонентов, на практике они редко реализуются в полном объеме. В каждой реализации ТСС движения обычно актуализируется только один аспект ситуации, в то время как компоненты структуры, соответствующие другим аспектам, рассматриваются как неинформативные и подвергаются эллипсису вследствие действия закона экономии речевых усилий.

Целью настоящей статьи является описание коммуникативной парадигмы ТСС движения в сургутском диалекте хантыйского языка. Коммуникативная парадигма отражает системные отношения между варьированием формальной структуры ТСС (порядка составляющих, интонации, морфосинтаксического устройства, лексического наполнения и пр.) и коммуникативно значимыми свойствами, приписываемыми каждому из компонентов ТСС в ее конкретных реализациях. Отдельные аспекты средств коммуникативного варьирования были объектом ряда предшествующих исследований [Кошкарёва, 2007; Sosa, 2017; Плотников, 2021]. В настоящей статье продолжается работа по описанию и сопоставлению значимых характеристик парадигм отдельных ТСС сургутского диалекта хантыйского языка, начатая в статье, посвященной парадигматике бытийной ТСС [Плотников, 2023].

Материалы и методы

В качестве материала исследования рассматривается совокупность реализаций ТСС движения, отобранных из фольклорных и художественных текстов на сургутском диалекте хантыйского языка из опубликованных источников (Айпин, 2003а; 2003б; Голоса Югана, 2021; Детские сказки варьёганских ханты, 2006; Ньюгломкина, 2020; Чепреги, 2015; Димэңи йёвтэм моньтэят, ясэят, 2013) и личного архива Н. Б. Кошкарёвой. Так как одной из задач исследования является установление закономерностей варьирования порядка составляющих, то выборка ограничена реализациями с эксплицитно выраженными позициями субъекта, предиката и одного из локализаторов (всего 144 реализации). Использование источников, представляющих собой связные тексты, обусловлено тем, что представленный в них контекст позволяет определить коммуникативные статусы компонентов ТСС и проследить роль каждой конкретной реализации в общей стратегии построения текста.

Результаты и обсуждение

В результате анализа выборки выявлены три частотных коммуникативных варианта ТСС движения (табл. 1). Каждый вариант характеризуется совокупностью

формальных признаков, отражающихся в его схеме (в данном случае включающих порядок составляющих и интонационную структуру), и определенной совокупностью коммуникативных свойств, которые в наиболее общем виде могут быть представлены в форме актуального членения, т. е. выделения в составе высказывания коммуникативных составляющих, называемых темой и ремой. При записи схемы коммуникативного варианта мы обозначаем символом «звездочка» (*) центр его ремы, совпадающий с мелодическим пиком рематической интонационной конструкции ИК-1, описанной в [Плотников, 2021].

Таблица 1

Основные коммуникативные варианты ТСС движения

Table 1

Main communicative variants
of the typical syntactic structure of motion

Обозначение	Схема	Центр ремы
KB ₁	S LOC* PR	LOC
KB _{2,1}	LOC S* PR	S
KB _{2,2}	S* LOC PR	

1. Основные ситуации употребления ТСС движения

В данном разделе охарактеризованы наиболее частотные в рассматриваемых текстах коммуникативные ситуации и установлены связи между ситуациями и употребляемыми в них коммуникативными вариантами ТСС движения.

1.1. Контексты, формируемые наблюдением за субъектом

В основе структуры большинства рассматриваемых текстов лежит представление о персонажах повествования как лицах, посредством деятельности или при непосредственном участии или наблюдении которых развиваются события текста. Наиболее отчетливо это проявляется при описании событий с точки зрения их участника или при последовательном наблюдении одного персонажа за действиями другого:

- (1) [Контекст: жена следит за мужем, чтобы выяснить, почему он возвращается домой с разорванной одеждой.]

[...ими дэйдэ:] дүв энэл рәпә йёвәт... (Димэни йёвәт моньтәт, яснәт, 2013, с. 175)¹.

дүв=∅   энэл   рәпә=а   йёвәт=∅
он=NOM   большой   гора=LAT   прийти=SUBJ.3SG
‘[...жена смотрит:] он (муж) к большой горе пришёл...’

¹ В первой строке пример приводится в том виде, в котором он представлен в первоисточнике. При глоссировании используется унифицированное графическое представление, соответствующее фонематическому принципу письма. В последней строке дается перевод, наиболее точно отражающий структуру и коммуникативную организацию исходного высказывания, который может отличаться от данного в первоисточнике. В квадратных скобках при необходимости приводится контекст, знание которого требуется для полного понимания высказывания.

Чаще всего в тексте отсутствует эксплицитный наблюдатель, в таком случае повествование строится с точки зрения мысленного наблюдателя, следующего за участвующими в сюжете персонажами. Персонаж, деятельность которого описывается в каждом фрагменте текста, определяет перспективу, с которой он строится: события излагаются в такой последовательности и таким образом, как их совершает или наблюдает персонаж.

В таких случаях последовательной темой всех высказываний является субъект, а ремой – весь комплекс информации, сообщаемой о его деятельности, т. е. эти высказывания имеют общеинформативный характер. Рема таких реализаций состоит из двух компонентов: локализатора и предиката. Наиболее значимой для развития повествования частью сообщаемой информации и, соответственно, центром ремы является локализатор, определяющий набор потенциальных действий субъекта посредством ограничения множества лиц и предметов, с которым он может взаимодействовать, например:

- (2) [Контекст: бедняку дали совет сходить на болото, если потребуется вода, и через некоторое время он встречает людей, у которых нет воды.]

[Панэ] чи кэьар ʒə ньөрэмэ йӱңулӱх. [Ньөрэмнэ лүв йӱнк йӱмэр] (Нюгломкина, 2020, с. 4).

чи кэьар ʒə=∅ ньөрэм=a
этот бедный человек=NOM болото=LAT
йӱңулӱх=ил=эх
ходить=MOM=PST.SUBJ.3SG

‘[И (тогда)] бедняк на болото сходил. [На болоте он воды начерпал].’

Коммуникативный статус локализатора может существенно варьироваться без формального варьирования структуры: в роли локализатора может выступать как совершенно новый предмет (1), так и предмет, частично предопределенный контекстом, но не конкретизированный в нем (2), или конкретный предмет, непосредственно рассматриваемый в ближайшем контексте (3).

- (3) [Контекст: хозяин и гость по следам крови нашли кучу мусора, в которой прячутся тени.]

Панэ мойӱдта йӱвтэм ʒə, мӱч ʒə тӱпэр пайнам нэврэмэх, [тютэт айнам вӱддэх вӱрӱл] (Димэңи йӱвтэм моньтэьт, яснэт, 2013, с. 182).

мойӱл=та йӱвт=эм ʒə=∅ мӱч ʒə=∅
гостить=INF прийти=PP мужчина=NOM гость мужчина=NOM
тӱпэр пай=нам нэвр=эмэх=∅
мусор куча=APPRX прыгать=MOM=SUBJ.3SG

‘И приехавший погостить мужчина, проезжий человек прыгнул на мусорную кучу, [всех этих (теней) лишил жизни].’

Несмотря на существенные различия в коммуникативном статусе локализатора, все описанные в этом разделе направления реализации ТСС движения могут рассматриваться в рамках одного коммуникативного варианта этой ТСС, обозначенного нами как KB₁, так как их объединяют, с одной стороны, общность тематического членения и, с другой стороны, формальная организация, соответствующая схеме S LOC* PR.

1.2. Контексты, формируемые наблюдением за локализатором

Контекстам, в которых события, обозначенные реализацией ТСС движения, описываются с точки зрения субъекта, противопоставлены контексты, в которых они рассматриваются с точки зрения стороннего наблюдателя, фиксирующего события, происходящие в его непосредственном окружении. В таком случае в роли локализатора чаще всего выступают не сам наблюдатель или пространство, в котором он расположен, поскольку их эксплицитное выражение было бы избыточным, а предметы в его окрестностях, существование которых рассматривается как очевидное, например стандартные компоненты хозяйства:

- (4) [Икем.] *мин веди тасмэна вэнт веди йёвэт* (Димэци йёвтэм моньтээт, ясээт, 2013, с. 176).

мин   вэли   тас=мэн=а   вэнт   вэли=∅
мы_двое   олень   стадо=POSSR.2DU=LAT   лес   олень=NOM
йёвэт=∅
прийти=SUBJ.3SG
'[Муж мой,] в наше (с тобой) оленьё стадо пришёл лесной (т. е. дикий) олень.'

Такие высказывания не обязательно предполагают непосредственное наблюдение: ситуация может реконструироваться на основании наблюдаемого присутствия в пространстве локализатора новых предметов (4) или косвенных признаков, свидетельствующих об их пребывании там (5):

- (5) [Контекст: Демьян съездил на стоянку, где ранее оставил мешок с мукой, и обнаружил, что мешок был разорван, а мука разбросана.]

[Кимэн,] *чу зот вёжэха пупи йёхэт* (Айпин, 2003а, с. 53).

чу   зот   вёжэх=а   пупи=∅   йёхэт=∅
тот   дом   нары=LAT   медведь=NOM   прийти=SUBJ.3SG
'[Оказалось,] на станове набрел медведь.'

При отсутствии конкретного эксплицитного наблюдателя события описываются с точки зрения мыслимого наблюдателя, помещаемого в пространство, к которому обращено внимание рассказчика и слушателей. Например, в (6) в роли такого пространства выступает место, в котором происходили предшествующие события текста:

- (6) [Контекст: Карс-ики упал на землю из-за того, что его перья и пух были сострижены; действие развивается там, где лежит Карс-ики.]

[Чымэл вёли, нанэ ай латнэ] *чу тохийи қántэк жө мэнэл [бул-войах кэнчэ жө]* (Чепреги, 2015, с. 50).

чу   тохий=и   қántэк жө=∅   мэн=эл=∅
тот   место=ABL   человек=NOM   идти=NPST=SUBJ.3SG
'[Немного погода, однажды] по тому месту идёт человек-ханты, [рыбузверя ищущий человек].'

В примерах (4)–(6) рассматриваемый вариант ТСС движения используется для введения в сюжет новых персонажей или предметов. Субъект также может быть определенным, в таком случае функцией этого варианта является не введение новых, а актуализация уже присутствующих в тексте реалий. В примере (7) таким образом описывается перенесение взгляда от одного известного предмета к другому:

(7) [Контекст: мужчина оглядывается и рассматривает, как за нартами последовательно идут собаки, а за ними – волк.]

Лаж пырилји үхэр күрэн үт ньүхүлэх (Айпин, 2003а, с. 50).

лэх пыр=ил=и   ёхэр   күр=эп   ёт=∅
они за=3PL=ABL   высокий нога=ADJ   вещь=NOM
ньёхүлэ=х
трогать=PST.SUBJ.3SG
'За ними тронулся волк (букв. высоконогая вещь).'

Сочетание предопределенных контекстом субъекта и локализатора дает говорящему возможность более свободно выбирать между вариантами описания одной и той же ситуации с разных перспектив.

В примере (8) аналогичная коммуникативная ситуация складывается при употреблении ТСС движения для описания событий, происходящих в интеллектуальной сфере, где в роли локализатора выступает ментальное пространство человека. Порядок составляющих модифицирован вследствие того, что выражение *йэлэп нэмэс* 'новая мысль', обозначающее субъект, связывается с прямой речью.

(8) [*– Өс юхэт-нэмэт өлтэ вэр тойлэт? –*] *йэлэп нэмэс ма ухэма йүхэт* (Айпин, 2003б, с. 9).

йэлэп   нэмэс=∅   ма   ухэ=эм=а
новый   мысль=NOM   я   голова.POSSM.SG=POSSR.1SG=LAT
йёхэт=∅
прийти=SUBJ.3SG
'[– А деревья-травы тоже спят? –] приходит мне в голову новая мысль.'

Все рассмотренные здесь высказывания общеинформативны, так как их темой является локализатор, а ремой – совокупность сообщаемой о нем информации, состоящая из субъекта и локализатора. Таким образом, в этом разделе, как и в 1.1, представлены примеры реализации ТСС движения с однородной коммуникативной структурой. Однако их формальное устройство неоднородно: примеры (4)–(6) репрезентируют схему LOC S* PR и, соответственно, KB_{2.1}, в то время как пример (8) репрезентирует периферийный вариант KB_{2.2}. В связи с этим мы рассматриваем KB_{2.1} и KB_{2.2} как два конкурирующих способа выражения одного и того же коммуникативного значения и объединяем их под одним обозначением KB₂. Основные противопоставления между KB₁ и KB₂ представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сопоставление свойств основных коммуникативных вариантов ТСС движения

Table 2

Comparison of the properties of the main communicative variants of the typical syntactic structure of motion

Свойство	KB ₁	KB ₂
Перспектива	субъект → его деятельность	локализатор → происходящие в его окрестности явления
Основной вопрос	<i>Что делает S?</i>	<i>Что происходит в LOC?</i>

Свойство	KB ₁	KB ₂
Субъект	непосредственно упоминаемый в предшествующем контексте	вводимый в дискурс в момент речи
Локализатор	вводимый в дискурс в момент речи	непосредственно упоминаемый в предшествующем контексте или известный участникам дискурса
Схема KB	S LOC* PR	LOC S* PR (KB _{2,1}) S* LOC PR (KB _{2,2})

1.3. ТСС движения в начале текста

Хотя в роли зачина в хантыйских фольклорных произведениях чаще всего употребляется бытийная ТСС (см. [Плотников, 2023, с. 15–17]), в некоторых случаях в этой позиции употребляется ТСС движения. Если исходить из того, что такое употребление не опирается на предшествующий контекст, то ТСС движения выполняют функцию одновременного введения и субъекта, и локализатора как предметов, о которых говорится в тексте. Завязкой текста является инициация отношения между двумя реалиями, из которого вытекает всё дальнейшее повествование: взаимодействие фольклорных персонажей между собой (9) или людей и природных объектов (10), (11).

- (9) *Лапэт мэх, қут мэх Ләлхәм қон икәли әй латнә Қынь ики қота йёвәт* (Димәңи йёвтәм моньтәт, ясәт, 2013, с. 148).

лапэт мэх бут мэх ләлх=эм қон
 семь земля шесть земля оберегать=PP царь
 ик=әли=Ø әй латнә қынь
 мужчина=DIM=NOM один время болезнь
 ики қот=а йёвәт=Ø
 мужчина дом=LAT прийти=SUBJ.3SG
 ‘Семь земель, шесть земель оберегающий царь – мужчина однажды пришёл в дом божества Болезни.’

- (10) *Сүүәснә Ас потта йәүәма* әй қө вөнта мән, *[панә, қәрә вөтәднә вә, кәнқантәмин]* (Голоса Югана, 2021, с. 53).

әй қө=Ø вөнт=а мән=Ø
 один мужчина=NOM лес=LAT идти=SUBJ.3SG
 ‘[Осенью, когда ночи становятся длинными,] один мужик в лес пошёл, [в балагане жил и охотился].’

- (11) *Әй йыс* Кәльи қө нәмпи ики Вөнт дора әт (Димәңи йёвтәм моньтәт, ясәт, 2013, с. 276).

Кәльи қө нәм=пи ики=Ø вөнт
 PN мужчина имя=ADJ мужчина=NOM лес
 лор=а әт=Ø
 озеро=LAT появиться=SUBJ.3SG
 ‘[В прошлые времена] один человек по имени *Кәльи* вышел на Лесное озеро.’

Как и реализации бытийной ТСС, выступающие в роли зачина реализации ТСС движения часто сопровождаются временными выражениями, устанавливающими условия, в которых развивается действие (*сүүэснэ* ‘осень’, *йыс* ‘старый, древний’).

Такое употребление ТСС движения, в отличие от случаев, рассмотренных в 1.1 и 1.2, не опирается на предшествующее упоминание субъекта или локализатора в рамках того же текста. Это, однако, не исключает возможных пресуппозиций о существовании соответствующих им реалий, которые могут содержаться как в фоновых знаниях носителей культуры, так и в расширенном контексте, включающем объявление темы или процесс выбора исполняемого произведения. Так, оба персонажа, упомянутых в примере (9), скорее всего рассматриваются как известные всем потенциальным слушателям, как и географическое название *Вөнт дор* ‘Лесное озеро’ в примере (11).

Во всех выявленных реализациях ТСС движения в позиции зачина используется порядок составляющих S LOC PR, соответствующий KB₁. Это противопоставляет их случаям реализации бытийной ТСС в позиции зачина, в которых наблюдается порядок LOC S PR [Плотников, 2023, с. 15–17]. В этих типах высказываний избираются разные стратегии: в случае бытийных ТСС ситуация конструируется как появление субъекта в пространстве, заданном как фон, на котором развивается повествование, тогда как при употреблении ТСС движения ситуация преподносится как деятельность субъекта, который одновременно актуализируется посредством этой ситуации.

2. Влияние способа заполнения позиции локализатора на коммуникативное варьирование ТСС движения

Наиболее частотным способом заполнения позиции локализатора ТСС движения является существительное или именная группа, в вершине которой стоит существительное. Так как основной функцией существительного является обозначение предметов, то такие локализаторы обладают наиболее широким кругом коммуникативных функций и могут рассматриваться как прототипические.

В рассматриваемой выборке представлены и другие способы заполнения позиции локализатора: провербы, наречия и местоимения. Наш анализ показывает нетипичность таких реализаций ТСС движения на фоне общей коммуникативной системы хантыйского языка. С одной стороны, при анализе таких высказываний необходимо учитывать факторы коммуникативного характера, приводящие к возможности и предпочтительности заполнения позиции локализатора словами этих частей речи, вследствие которых выборка примеров, в которых используются эти способы выражения локализатора, репрезентирует заведомо ограниченный набор коммуникативных ситуаций. С другой стороны, сам факт реализации потенциала заполнения позиции локализатора словами этих частей речи, в свою очередь, может рассматриваться как фактор, оказывающий влияние на другие парадигматические возможности коммуникативной структуры.

2.1. Наречия и провербы

В позиции локализатора ТСС движения в рассматриваемой выборке употребляются провербы *ййҕэ* ‘внутри, в дом’, *кэм* ‘наружу’, *пэрзи* ‘назад’, *нөү* ‘вверх’, *ыл* ‘вниз’, *нык* ‘вниз к воде’ и образованные от тех же основ наречия *ййҕэнам*, *кэмнам*, *ылнам*, указательные местоимения-наречия *тэуэ* ‘сюда’, *төүэ* ‘туда’. При определении частеречной принадлежности этих лексем мы опираемся

на классификацию М. Чепреги [2017], за исключением *таһа* и *тәһа*, отнесенных ею к превербам.

Преверб рассматривается как служебная часть речи, первичной функцией которой является выражение пространственных отношений. С другой стороны, определяющим свойством превербов считается развитие у них вторичных функций, связанных со способностью модифицировать семантику и аспектуальные свойства глагола [Соловар, 2022, с. 310]. В. Е. Варда подчеркивает переходный статус превербов, поскольку они выступают одновременно и как лексические (наречия), и как грамматические единицы (собственно преверб как служебное слово) [Варда, 2016, с. 48]. При употреблении превербов с глаголами пространственной семантики исходная бытийно-пространственной пропозиция остается неизменной, но сокращается валентность глагола [Соловар, 2022, с. 313–314]. В связи с этим мы считаем обоснованным рассматривать превербы, употребленные в составе ТСС движения в их исходных пространственных значениях, как заполнители позиции локализатора в структуре ТСС, тем самым приравнивая эти употребленные к употреблению слов знаменательных частей речи.

Одним из свойств преверба как части речи является его размещение в позиции непосредственно перед глаголом, за исключением возможности отделения превербов от глагола частицами и редких примеров помещения превербов после глагола [Чепреги, 2017, с. 198; Кошкарёва, 2018, с. 59]. Ограниченность позиции преверба в высказывании приводит к ограничению использования порядка составляющих как средства коммуникативного варьирования ТСС движения, в которых позиция локализатора заполнена превербом.

Превербы и наречия также существенно ограничены с точки зрения набора коммуникативных возможностей по сравнению с именными группами. Н. Б. Кошкарёва на материале казымского диалекта отмечает конкуренцию превербов и именных групп с однокоренными послелогом, обусловленную коммуникативными факторами [Кошкарёва, 2018, с. 60]. По нашему мнению, существенное различие между именными группами и превербами заключается в том, что последние используются только при описании ситуаций, которые происходят в пространстве, заданном контекстом. Например, оппозиция *йәһә* 'внутри, в дом' / *кәм* 'наружу' актуальна, только если контекстом уже предопределено строение, относительно которого происходит движение. Если бы из контекста было невозможно определить, в какое строение или из какого строения совершается движение, то требовалось бы употребление именной группы, например, *һутәма* 'в мой дом', *һутәми* 'из моего дома'.

В рамках задач настоящей статьи противопоставление между превербами, наречиями и указательными местоимениями не оказалось существенным, так как для примеров их употребления в рассматриваемой выборке характерны одни и те же особенности. Слова всех рассматриваемых частей речи употребляются в реализациях ТСС движения исключительно с порядком составляющих S LOC PR. В зависимости от интонации такие реализации могут интерпретироваться как репрезентанты KB₁ или KB_{2.2}. В рамках KB₁ локализаторы входят в состав комплексной ремы, сочетающей локализатор и предикат. KB_{2.2} предполагает тему, состоящую из локализатора, и ремы, состоящую из субъекта и предиката. Наиболее однозначные примеры KB_{2.2} появляются при введении в текст нового субъекта (12):

- (12) [Тъу омэстиннэ ай латнэ] вурни тѳхэ йѳвэт (Голоса Югана, 2021, с. 114).
 вурни=∅ тѳхэ йѳвэт=∅
 ворона=NOM туда прийти=SUBJ.3SG
 ‘[Пока они так сидели,] туда (к ним) прилетела ворона.’

Более сложны для анализа примеры, в которых введение субъекта сопровождается оттенком верификативности, вследствие чего высказывание может быть интерпретировано и как сообщение о новом лице, и как подтверждение факта его прихода:

- (13) [Контекст: непослушных детей предупредили о том, что кто-то может прийти, если они не перестанут баловаться.]
 Мӓнк Ики чет йӓзӓнам лӓнӓл (Детские сказки Варьӓганских ханты, 2006, с. 64).
 Мӓнк Ики=∅ тэт йӓзӓ=нам лӓнӓ=ал=∅
 Менк-ики=NOM здесь в дом=APPRX заходить=NPST=SUBJ.3SG
 ‘Тут в дом заходит Менк-ики².’

Преобладание в ситуации введения нового субъекта примеров типа (12) показывает, что варьирование реализаций ТСС движения с провербами, наречиями и местоимениями-наречиями в позиции локализатора отличается от характерного для реализаций с существительными в этой позиции, среди которых структуры, соответствующие KB_{2,2}, встречаются крайне редко.

2.2. Личные местоимения

Позиция локализатора может быть заполнена личным местоимением в форме дательного или общенаправительного падежа, обозначающим лицо, в направлении которого осуществляется движение. Возможность употребления личного местоимения в этой позиции, так же как и указательного местоимения-наречия, предполагает определенный коммуникативный статус локализатора, который достигается за счет участия обозначаемого им лица в речевом акте или его упоминания в предшествующем контексте.

Локализаторы, выраженные личными местоимениями, употребляются в высказываниях, описывающих взаимодействия обозначаемых ими лиц как с новыми, так и с известными лицами, и, таким образом, выступают в роли как темы, так и ремы высказывания. Наиболее однозначно как тема высказывания интерпретируются те реализации, в которых в текст вводятся новые лица, обозначенные субъектом, что является типовой ситуацией употребления KB₂. В таких ситуациях преобладают реализации KB_{2,2}:

- (14) [Ӕвэс лӓль кӓлӓмтӓтӓ латнӓ, Ӕвэс лӓль тӓхэ йѳвӓттӓ латнӓ,] Ӕвэс ӓрт нӓуаты сӓчӓл (Чепреги, 2015, с. 20).
 Ӕвэс ӓрт=∅ нӓу=ат=ы сӓч=ӓл=∅
 низ_реки богатырь=NOM ты=OBL=DAT шагать=NPST=SUBJ.3SG
 ‘[Когда появится северное войско, когда сюда придёт северное войско,] к тебе подойдёт северный (букв. с низовья реки) богатырь.’

² Менк-ики (Мӓнк Ики) – персонаж хантыйского фольклора, сказочный великан (Чепреги, 2015, с. 59).

- (15) [Контекст: Демьян вернулся со стоянки разозлённым.]
Пастукэт лүваты суцэт, [пыри,лэ, цүты йэх] (Айпин, 2003а, с. 53).
 пастук=эт=∅   лүв=ат=ы   сөц=эт
 пастух=PL=NOM   он=OBL=DAT   шагать=SUBJ.3PL
 ‘К нему подошли пастухи, [спрашивают, что случилось].’

Однако здесь в поле KB₂ наблюдается конкуренция, так как выявлен один пример, в котором используется KB_{2.1} (16):

- (16) [Контекст: один мужчина живёт в доме, к нему приезжает неназванный гость.]
Лүваты мйч қө, мойэлтэ қө йёвэт (Димэңи йёвтэм моньтээт, ясцэт, 2013, с. 194).
 лүв=ат=ы   мйч   қө=∅   мойэл=тэ
 он=OBL=DAT   гость   мужчина=NOM   гостить=NPP
 қө=∅   йёвэт=∅
 мужчина=NOM   прийти=SUBJ.3SG
 ‘К нему приехал гость.’

Таким образом, при непрототипическом способе заполнения позиции локализатора наблюдается тенденция к предпочтительному использованию в контекстах, характерных для KB₂, варианта KB_{2.2}. Могут быть указаны несколько факторов, влияющих на такое употребление.

Существенным отличием KB_{2.2} (S* LOC PR) от KB_{2.1} (LOC S* PR) является способ маркирования позиции локализатора и, соответственно, его тематического статуса. В то время как в KB_{2.1} вынесенная в начало высказывания тема получает собственное интонационное оформление (ИК-2), в KB_{2.2} вся реализация ТСС попадает в единый интонационный контур (ИК-1), состоящий из мелодического пика, приходящегося на центр ремы (в данном случае – на субъект), и зону равномерно нисходящего тона [Плотников, 2021, с. 28]. Таким образом, тематический локализатор оказывается заключен в одну синтагму с ремой без специального интонационного маркирования, что приводит к снижению степени его выделенности по сравнению с темой в KB₁ и KB_{2.1} и, соответственно, к снижению его перцептивной значимости.

Отсутствие необходимости такого выделения может быть обусловлено категориальными свойствами слов, заполняющих позицию локализатора. Употребление местоимения, проверба или наречия указывает на частичную определенность локализатора и делает избыточным выражение их статуса средствами линейно-интонационной структуры. Эта тенденция связана не исключительно с определенностью локализатора, так как определенные локализаторы, выраженные именной группой с существительным в вершине, преимущественно употребляются в KB_{2.1}. С другой стороны, она не распространяется на личные местоимения в роли субъекта, которые практически всегда употребляются в начале высказывания. Можно указать на принципиальную несимметричность этих ситуаций: вследствие иерархии синтаксических отношений для субъекта позиция маркированной темы в начале высказывания воспринимается как естественная, поэтому заполняется автоматически, в то время как вынесение локализатора в начало высказывания является отклонением от стандарта и избегается в тех случаях, в которых статус локализатора это позволяет.

Другим значимым фактором является особый статус категории преверба. Для сохранения обязательной предглагольной позиции преверба необходимо существование структур типа S* LOC V, которые обеспечивают рематичность субъекта без нарушения этого порядка. Слова категорий, сближающихся с превербами по структуре, семантике и происхождению (образованные от превербов или сходные с ними по фонетическому облику наречия и местоимения-наречия), могут употребляться в таких же структурах под действием принципа аналогии. Последовательное употребление слов этих категорий в предглагольной позиции может рассматриваться как один из источников наблюдающейся в работах современных исследователей хантыйского языка проблемы границ категории превербов.

Рассмотренная здесь конкуренция KB_{2.1} и KB_{2.2} может быть сопоставлена с аналогичным явлением, возникающим при реализации бытийной ТСС с местоименными наречиями *тэт* 'здесь' и *тёт* 'там' в позиции локализатора. В обоих случаях наблюдается тенденция к использованию разных коммуникативных вариантов исходной ТСС (LOC S* PR или S* LOC PR) в случае тематичности локализатора в зависимости от способа заполнения позиции локализатора (прототипического или непрототипического). В бытийных ТСС, однако, при непрототипическом заполнении локализатора частотны оба коммуникативных варианта, а их использование в рассматриваемых источниках неравномерно [Плотников, 2023, с. 281–282], в то время как в случае ТСС движения преобладание одного из вариантов (S* LOC PR) носит системный характер и наблюдается во всех источниках.

Заключение

Противопоставление высказываний, ориентированных на одного из предметных участников ситуации (субъекта или локализатора) как исходный пункт сообщения (тему) и привлекающих внимание к другому (реме), может рассматриваться как ключевое направление варьирования ТСС бытийно-пространственного блока. В парадигме ТСС движения представлен наиболее типичный для коммуникативной системы сургутского диалекта хантыйского языка способ выражения этой оппозиции, заключающийся в помещении рематических компонентов структуры в предглагольную позицию с сохранением интонационной структуры (оппозиция KB₁–KB_{2.1}). С другой стороны, для реализаций с непрототипическим заполнением позиции локализатора характерен другой способ выражения той же оппозиции, реализуемый за счет использования средств интонации (оппозиция KB₁–KB_{2.2}). Наблюдаемая конкуренция между KB_{2.1} и KB_{2.2} как способами выражения одного и того же коммуникативного значения представляется наиболее интересным признаком рассматриваемой коммуникативной системы.

Наблюдаемые сходства парадигм ТСС движения и бытийной ТСС обусловлены общностью набора их компонентов и ограниченностью использования морфосинтаксических способов варьирования, характерных для большинства других ТСС хантыйского языка. Кроме того, существенную роль играет и функциональная близость этих ТСС, обуславливающая частотность их появления в сходных контекстах. Существенным компонентом прототипического значения ТСС движения является установление или разрыв пространственных отношений субъекта и локализатора, которые описываются бытийной ТСС, в соответствии с чем основными текстовыми функциями обеих ТСС является введение в текст новых лиц и предметов или формирование новых потенциалов развития текста, обусловленных нахождением или отсутствием лиц или предметов в определенном месте. Од-

нако последовательное рассмотрение ситуаций употребления основных коммуникативных вариантов этих ТСС позволяет указать и на ряд различий в реализации их парадигматического потенциала, к которым относятся разные стратегии при употреблении в начале текста и разный характер конкуренции коммуникативных вариантов при непрототипическом заполнении позиции локализатора.

Представленное описание парадигмы ТСС движения не является исчерпывающим, так как рассмотренные здесь наиболее частотные коммуникативные варианты этой ТСС не охватывают всей совокупности потенциальных коммуникативных ситуаций. Кроме того, отдельными вопросами, не освещенными в этой статье, являются условия эллипсиса позиций субъекта и локализатора и коммуникативные функции залогового варьирования ТСС движения.

Список сокращений и условных обозначений

Сокращения

ИК – интонационная конструкция; КВ – коммуникативный вариант; ТСС – типовая синтаксическая структура; ЭПП – элементарное простое предложение

Условные обозначения компонентов бытийной ТСС

LOC – локализатор; PR – предикат; S – субъект

Условные обозначения, используемые при глоссировании

1 – 1-е лицо; 2 – 2-е лицо; 3 – 3-е лицо; APPRX – общенаправительный падеж; ABL – исходный падеж; ADJ – словообразовательный аффикс прилагательного; DAT – дательный падеж; DIM – диминутив; DU – двойственное число; INF – инфинитив; LAT – направительный падеж; LOC – местный падеж; MOM – моментальность; NOM – основной падеж; NPST – непрошедшее время; NPP – причастие непрошедшего времени; OBL – косвенная основа местоимения; PL – множественное число; PN – имя собственное; POSSM – посессум; POSSR – посессор; PP – причастие прошедшего времени; PST – прошедшее время; SG – единственное число; SUBJ – субъектное спряжение; Ø – нулевой аффикс

Список литературы

Варда В. Е. Провербы в восточных диалектах хантыйского языка // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2016. № 2. С. 43–49.

Кошкарёва Н. Б. Средства выражения актуального членения в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении с другими уральскими языками и диалектами хантыйского языка) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 2. С. 34–43.

Кошкарёва Н. Б. Типовые синтаксические структуры в языках разных систем как отражение единиц языка и речи // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 14–26.

Кошкарёва Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9. С. 53–65. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65

Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с провербами *йухи / йохы / ййэ / юв* // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 2. С. 309–318.

Плотников И. М. Интонационная система сургутского диалекта хантыйского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2. С. 25–43. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-95-106

Плотников И. М. Коммуникативная вариативность бытийной типовой синтаксической структуры в сургутском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 269–285. DOI 10.17223/18137083/83/21

Чепреги М. Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. 275 с.

Sosa S. Functions of morphosyntactic alterations, and information flow in Surgut Khanty discourse. Helsinki: Unigrafia, 2017. 263 p.

Список источников

Айтин Е. Д. В тени старого кедра. СПб.: Просвещение, 2003а. 71 с.

Айтин Е. Д. Я слушаю землю. СПб.: Просвещение, 2003б. 111 с.

Голоса Югана. Сборник фольклора Йавэн-йах. Сургут: Печатный мир г. Сургут, 2021. 140 с.

Детские сказки варьёганских ханты. Варэж Йавэн неврем моньчэт (на хантыйском и русском языках). Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 108 с.

Нюгломкина – Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной. На сургутском диалекте хантыйского языка с переводом на русский язык. Новосибирск: Гео, 2020. 24 с.

Чепреги М. Сказки и рассказы сургутских ханты: фольклорный сборник. Тюмень: Формат, 2015. 118 с.

Димэни йэвтэм моньчэт, ясчэт (Сказки, рассказы с реки Лямы): фольклорный сборник на языке сургутских ханты. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2013. 328 с.

References

Csepregi M. *Surgutskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [The Surgut dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk, 2017, 275 p.

Koshkareva N. B. *Bytiyno-prostranstvennye tipovye sintaksicheskie struktury i ikh semantika v khantyyskom i nenetskom yazykakh* [Typical existential-spatial syntactic structures and their semantics in the Khanty and Nenets languages]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2018, vol. 17, no. 9, pp. 53–65. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65

Koshkareva N. B. *Sredstva vyrazheniya aktual'nogo chleneniya v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka (v sopostavlenii s drugimi ural'skimi yazykami i dialektami khantyyskogo yazyka)* [Means of expressing the actual articulation in the Surgut dialect of the Khanty language (in comparison with other Uralic languages and dialects of the Khanty language)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2007, vol. 6, iss. 2, pp. 34–43.

Koshkareva N. B. *Tipovye sintaksicheskie struktury v yazykakh raznykh sistem kak otrazhenie edinits yazyka i rechi* [Typical syntactic structure in languages of different systems as reflection of language and speech units]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 2, pp. 14–26.

Plotnikov I. M. *Intonatsionnaya sistema surgutskogo dialekta khantyyskogo yazyka* [Intonation system of the Surgut dialect of Khanty]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2021, no. 2, pp. 25–43. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-95-106

Plotnikov I. M. *Kommunikativnaya variativnost' bytiynoy tipovoy sintaksicheskoy struktury v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka* [Communicative variation of the typical existential syntactic structure in the Surgut dialect of Khanty]. *Siberian Journal of Philology*. 2023, no. 2, pp. 269–285. DOI 10.17223/18137083/83/21

Solovar V. N. Strukturno-semanticheskie osobennosti obsko-ugorskikh glagolov s preverbami *yukhi / yokhy / yǎjə / yuv* [Structural and semantic characteristics of Ob-Ugric verbs with preverbs *yukhi / yokhy / yǎjə / yuv*]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022, vol. 12, no. 2, pp. 309–318.

Sosa S. *Functions of morphosyntactic alterations, and information flow in Surgut Khanty discourse*. Helsinki, Unigrafia, 2017, 263 p.

Varda V. E. Preverby v vostochnykh dialektakh khantyyskogo yazyka [Preverbs in the eastern dialects of Khanty]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2016, no. 2, pp. 43–49.

List of sources

Aypin E. D. *V teni starogo kedra* [In the shadow of the old cedar]. St. Petersburg, Prosveshchenie, 2003a, 71 p.

Aypin E. D. *Ya slushayu zemlyu* [I am listening to the Earth]. St. Petersburg Petersburg, Prosveshchenie, 2003b, 111 p.

Csepregi M. *Skazki i rasskazy surgutskikh khanty: fol'klornyy sbornik* [Fairy tales and stories of the Surgut Khanty: a collection of folklore]. Tyumen, Format, 2015, 118 p.

Detskie skazki var'eganskikh khanty (na khantyyskom i russskom yazykakh) [Children's tales of the Varyogan Khanty (in Khanty and Russian languages)]. Khanty-Mansiysk, Poligrafist, 2006, 108 p.

Golosa Yugana. Sbornik fol'klora Yaven-yakh [Voices of Yugan: Collection of Yaven-yakh folklore]. Surgut, Pechatnyy mir g. Surgut, 2021, 140 p.

Skazki, rasskazy s reki Lyamy: fol'klornyy sbornik na yazyke surgutskikh khanty [Fairy tales, stories from the Lyama River: a collection of folklore in the language of Surgut Khanty]. Khanty-Mansiysk, Yugrafika, 2013, 328 p.

Tri mudrykh soveta: skazki Poliny Iudovny Nyuglomkinoy. Na surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka s perevodom na russskiy yazyk [Three wise advice: the tales of Polina Yudovna Nyuglomkina. In the Surgut dialect of the Khanty language with translation into Russian]. Novosibirsk, Geo, 2020, 24 p.

Информация об авторе

Илья Михайлович Плотников, младший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID 57219696107

WoS Researcher ID HTT-0308-2023

Information about the author

Илья М. Plotnikov, Junior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57219696107

WoS Researcher ID HTT-0308-2023

Статья поступила в редакцию 12.01.2024;

одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 19.01.2024

The article was submitted on 12.01.2024;

approved after reviewing on 19.01.2024; accepted for publication on 19.01.2024